

*Александр
Тамоников*

**ЛОЖЬ
НА
КРОВИ**

Москва

*Александр
Тамоников*

**ЛОЖЬ
НА
КРОВИ**

Москва

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17   Ложь на крови / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ —
спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-210391-9

Капитан СМЕРШ Дмитрий Юркин, занимаясь фильтрацией советских военнопленных, освобожденных из концлагеря, обратил внимание на одного из бывших узников, красноармейца Павла Захарова. У бойца типичная легенда: попал к немцам без сознания, контактов с абвером не имел, в лагере вел себя тихо, ни во что не вмешивался... Именно эта «неприемлемость» и заинтересовала капитана. Что, если такое поведение — часть секретного плана, а сам пленный — не тот, за кого себя выдает... Юркин решает применить к Захарову особый подход и неожиданно получает такие откровения, от которых оперативнику становится не по себе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210391-9

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

Никто из узников лагеря не понял, что их разбудило. Сначала проснулся один, затем второй. И лишь потом до узников дошло, что стало причиной их пробуждения.

Тишина. Не было слышно гудка, привычных окриков и лая собак. Только шум ветра и крики птиц неподалеку.

Проснувшиеся заключенные бросились будить остальных. Меньше чем через пять минут весь барак уже не спал.

— А где немцы? — спрашивал кто-то.

— А пес их знает, — отвечал другой.

— Как будто вымерли все, — заметил третий.

— Хорошо бы, — усмехнулся четвертый. —

На свободу бы вышли.

Эта мысль подстегнула всех. Узники бросились к дверям, но тут их ожидал неприятный сюрприз. Двери не открывались. Как ни пытались это сделать люди, измученные пленом, голодом и непосильным трудом.

— Может, отмычкой? — предложил кто-то в полумраке.

— Ага, еще скажи, ключом, — ответили ему. — Где ты отмычку возьмешь?

— Да не поможет ни отмычка, ни ключ, — сказал узник, который проснулся первым. Он сидел и внимательно разглядывал щели в дверях и стенах. — Все заколочено. Мы не сможем выйти.

Тут же поднялась паника. Люди кинулись на стены, кто-то полез наверх в надежде найти выход там.

— Я знаю! — внезапно заорал один из узников. — Это они во всем виноваты! Они, гады! Ироды поганые!

Он судорожно тыкал пальцем в сторону нескольких узников, чей внешний вид был чуть лучше, чем у остальных. Это были доносчики, стукачи и капо¹. Они собрались небольшой кучкой и настороженно посмотрели на остальных.

— А и верно, — сказал другой пленный. — Они, гады. Пока тут надрывались и недоедали, они фашистам стучали и горя не знали, иуды.

— Дави их, сволочей! Бей их! — выкрикнули из толпы, и тут уже началась жуткая суматоха.

Никто и не заметил, как один из заключенных метнулся в сторону и залез под нары, чтобы ненароком не попасть под горячую руку.

---

¹ Капо — привилегированный заключенный в концлагерях нацистской Германии. В узком смысле капо — это заключенные, назначенные исполнять должности старосты барака, надзирателя, старшего рабочей команды.

ЛОЖЬ НА КРОВИ

Расправу прервали незнакомые звуки, донесшиеся со двора. Сначала прозвучал выстрел, а потом крик:

— Есть кто живой?

Кричали по-русски.

— Мы здесь! Здесь! Живы! Родненький ты наш! Выпусти нас! — наперебой заорали узники, не поверившие, что их нашли и сейчас спасут.

И когда с заколоченных дверей сорвали последние доски, измученные люди дружной гурьбой хлынули на улицу, навстречу освободившим их советским солдатам.

ГЛАВА 1

Утро выдалось серым и хмурым. Капитан Дмитрий Юркин невольно поморщился, переворачиваясь на спину, — он всегда просыпался с рассветом, сколько себя помнил. В окно не били солнечные лучи. Лишь угрюмые серые облака давили своей тяжестью и не улучшали настроение. Впрочем, неважный настрой у Дмитрия был, как ему казалось, всегда. За последние годы он даже не мог припомнить, когда вставал с постели в хорошем настроении. С одной стороны, это было объяснимо — уже третий год шла война, и поводов для радости было крайне мало. А с другой стороны, Дмитрия всегда за глаза называли бирюком, сычом и прочими подобными словами. Впрочем, Юркин давно привык к этому и, к слову, никогда на это не обижался. Бирюк — значит, бирюк. Что поделать, такой уж уродился, и этого теперь до конца жизни не исправить. Таким и помрет.

Бреясь, он невольно засмотрелся на свое отражение в мутноватом, заляпанном по краям

ЛОЖЬ НА КРОВИ

пятнами зеркале. «Видок еще тот, — подумалось ему. — Будто всю ночь пахал без остановки и спать лег за час до побудки». Не сказать, чтобы это было далеко от истины. Вернулся он в свою комнату действительно поздно — работы ему, как и другим сотрудникам СМЕРШа, хватало. Из зеркала на капитана смотрел угрюмый человек лет под сорок с мешками под глазами, немного помятым лицом и растрепанными после сна короткими темными волосами.

«Красавец, елки-палки», — криво усмехнулся Юркин.

Да, привлекательным его назвать было сложно. Приземистый, плотно сбитый (хоть и не толстяк) и с явно не артистичными чертами лица. Дмитрий довольно долго задавал себе вопрос, чем же он приглянулся своей жене — та, в отличие от супруга, была миловидной. Однажды он спросил ее об этом напрямую. Тамара лишь пожала плечами, тепло улыбнулась и просто сказала:

— Ты очень хороший человек, Митя. А для меня это много значит.

Когда он ушел на фронт, Дмитрия нет-нет, да и посещали невеселые мысли, что супруга может себе найти кого-то. Он бы не спорил, если бы они были неженаты, — на нет, как говорится, и суда нет. Благо, город, где они жили, был в глубоком тылу, и линия фронта до него не дошла. Но опасения капитана были напрасны. Еще до работы в СМЕРШе Юркин встретил дочку

соседей, Зою, ушедшую на фронт санитаркой. Девушка, будучи той еще сплетницей, рассказывала своим товаркам (Юркин случайно подслушал их разговор), что, дескать, Тамара Юркина такая красавица, могла бы себе найти какого-нибудь офицера или вообще мужичка поприличнее, а она нос воротит и ждет с войны своего страшного бирюка. Капитан тогда усмехнулся, но от сердца у него отлегло. Да и письма, приходившие ему, перечитывал по нескольку раз: Тамара писала, что любит и очень ждет его. Хотя Юркин и называл подобное бабскими соплями, ему было очень приятно.

На службу Дмитрий явился, как всегда, без опозданий. Не без удовлетворения отметил, что большую часть работы он вчера переделал, но и не сомневался, что судьба обязательно подбросит что-то новое. Так оно и случилось: не прошло и часа, как майор Лебедев, в подчинении которого находился Юркин и другие сотрудники второго отдела СМЕРШа, проверявшего бывших военнопленных, оповестил, что накануне под селом Поляны освободили советских людей из концлагеря. Всех освобожденных узников предстояло проверить. Дмитрий невольно вздохнул — похоже, это превращается в рутину. Он не раз слышал, как его сослуживцам, работавшим в других местах, доводилось разоблачать шпионов, диверсантов и прочих подобных им личностей. Капитану попадались лишь мелкие лагер-

ЛОЖЬ НА КРОВИ

ные «стукачки», на которых он смотрел порой, не скрывая отвращения.

Перед тем как дали команду ехать в лагерь, Юркина вызвал Лебедев. Когда тот вошел в кабинет, то увидел, что майор там не один — на стуле сидел молодой, лет двадцати пяти, человек с погонями старшего лейтенанта. Держался он довольно скромно и при появлении Дмитрия посмотрел на него доброжелательно и как-то даже доверчиво. Разумеется, встал при его появлении, как и полагается.

— Вызывали, товарищ майор? — осведомился капитан.

— Вызывал, — кивнул офицер. — Вот, Дима, — он указал на старшего лейтенанта, — напарника тебе нашел. Или, правильнее будет, ученика. Старший лейтенант Митьков. Направлен к нам на службу, во второй отдел. Принимай, так сказать, пополнение.

«Вот только учеников мне тут не хватало, — недовольно подумал Юркин. — Нашли, елки-палки, учителя. И кому — какому-то тыловому простофиле». Впрочем, на лице капитана недовольство не отразилось.

— Откуда? — скупое поинтересовался он.

— Из госпиталя, после ранения, — ответил Митьков.

«Тоже не лучше, — продолжил свой мысленный монолог капитан. — Сразу видно — интеллигентиска. Зачем его вообще сюда взяли?»

— Так что, Дима, парень поступает к тебе, под твое, так сказать, неофициальное шефство. Ты, Миша, не переживай. — Лебедев посмотрел на парня. — Капитан Юркин у нас офицер опытный, грамотный, на службе не первый день. Все-му тебя научит.

«Вот только меня забыли спросить», — усмехнулся про себя будущий учитель. Сейчас он не испытывал ничего, кроме недовольства и раздражения.

— Спасибо, — кивнул Митьков и снова перевел взгляд на Дмитрия. И улыбнулся, просто и открыто. Даже недовольство Юркина слегка при-тупилось.

— Вот и хорошо. Тогда действуйте.

Из кабинета Лебедева Дмитрий вышел уже не один. Он сразу заметил, что старший лейтенант прихрамывает. Не постоянно, но нет-нет, да и приволакивает ногу. Похоже, про ранение не врал. Хотя было бы куда проще, если бы его списали в тыл. Но это уже зависело не от капитана. С виду парнишка вроде бы ничего. Дмитрий даже не понимал, что ему больше не нравилось в новоявленном напарнике: эта простоватость, которой, как он считал, не место в их работе, или то, что ему фактически навязали его компанию. Не сказать, чтобы Юркин не умел работать в коллективе. Умел, конечно. И, собственно, везде, где бы ему ни доводилось бывать — на довоенной ли работе, на передовой или здесь,

ЛОЖЬ НА КРОВИ

в СМЕРШе, он везде оказывался не в одиночестве. Просто предпочитал не сходитья близко с людьми. Про таких говорят: вроде бы и со всеми, а вроде бы и сам по себе.

— Товарищ капитан? — обратился к нему Митьков.

— Что? — повернулся Дмитрий.

— А вы давно в СМЕРШе?

— Не очень, — коротко ответил он.

Похоже, сейчас паренек будет допытываться до его послужного списка: где, чего, как? К слову, сам старший лейтенант не особо интересовал капитана. Хотя ради приличия, да и просто по чисто профессиональной привычке надо поинтересоваться, где тот был до госпиталя.

— А до этого где были?

— Много где.

— А я был под Ленинградом, — доверительно сообщил Митьков, опередив намерение собеседника поинтересоваться его службой. — Там меня и ранили.

— Из-за этого такой колченогий? — не удержался от насмешки Юркин.

— Да. — Старший лейтенант и не подумал обижаться. — Но это не страшно. Со временем восстановлюсь.

«Как же, держи карман шире, — снова ухмыльнулся про себя Дмитрий. — Даже если и хромать перестанешь, при малейшем дождике или ветерке будешь на одной ножке прыгать».

— Мы сейчас поедem в Поляны? — продолжал любопытствовать парень.

— Да, — кивнул капитан.

Они уже вышли во двор здания, где и обитали сотрудники второго отдела. Несмотря на то что бои здесь шли не один день, бывшая школа более-менее уцелела. Во время оккупации немцы устроили здесь что-то вроде клуба. Сначала собирались в местном Доме культуры, но, после того как последний подорвали партизаны, перенбрались сюда. А потом сюда пришли и контрразведчики.

Во дворе уже стояла готовая к отправке машина. Сослуживцы Дмитрия потихоньку стекались к ней. Кто-то уже сидел в кузове, кто-то торопливо курил рядом. Видимо, не так уж там много пленных, раз одну машину посылают, решил Юркин. Он тоже хотел было закурить, но потом передумал и кивнул в сторону авто.

— Залезай, — скомандовал он.

Митьков, несмотря на покалеченную ногу, довольно ловко запрыгнул в кузов. Вслед за ним вскарабкался и капитан.

Ехать пришлось недолго. Село Поляны, где и находился теперь уже бывший концлагерь советских военнопленных, располагался минутах в пятнадцати-двадцати езды от города. «Хорошо, пешком не погнади», — подумал Дмитрий. В пути он краем глаза поглядывал на новобранца, как он окрестил про себя старшего лейте-